

Зиси Вейцман

Ицик Бронфман: «Оставь меня таким, как есть...»

В апреле 1971 года в одном из номеров «Правды» была опубликована статья дальневосточного собкора АПН Евгения Бугаенко, которая называлась «Память о буденовке» - о литературной жизни Биробиджана и, в частности, о еврейском поэте Исааке Бронфмане (*на снимке*). Об этом я узнал через несколько дней, получив из Биробиджана от героя публикации почтовую открытку. Несмотря на застойное время, почта в те годы работала довольно шустро, и чуть ли не на второй или третий день почтовое отправление нашло меня в глухой амурской тайге, в закрытом гарнизоне, в котором я тянул офицерскую ляжку.

«Читай обо мне в «Правде», - радостно писал Исаак Лейбович. – Кстати, там и про тебя тоже кое-что есть».

Так как в радиусе, наверное, сотни, а то и больше километров газетных киосков в тайге не наблюдалось, а в имеющемся крошечном почтовом отделении прибывшую периодику давно разнесли по адресатам, я, объяснив ситуацию, слезно вымолил в своей части нужный номер «Правды» у молоденькой библиотечарши, жены такого же, как и я, лейтенанта.

Евгений Бугаенко, приехавший в Биробиджан, описывал тамошнюю литературную жизнь, и для того, чтобы ее еврейская составляющая не выглядела довольно бледной, взял интервью у тогдашнего руководителя областного литобъединения, еврейского писателя Бузи Миллера. На тот период писательской организации в ЕАО не существовало, поскольку в Биробиджане числились всего два члена СП: сам Миллер и сравнительно недавно принятый в союз Ицик Бронфман. Правда, были еще несколько литераторов, писавших по-еврейски: Люба Вассерман, Сальвадор Боржес, Гешл Рабинков и Нохем Фридман, но они после долгой отсидки в СП так и не вступили. Многоопытный, умудренный жизнью Борис Израилевич Миллер, прошедший тюрьмы и лагеря, знал, как не ударить в грязь лицом перед заезжим собкором, и рассказал, что недавно к нему в кабинет зашел бравый лейтенант, щелкнул каблуками и положил на стол рукопись со стихами, написанными «аф идиш», и представился: Зиси Вейцман. «Так что, как видите, недостатка в «новобранцах», - лукавил Миллер, - у нас не имеется».

Вообще-то статья почти целиком была посвящена Ицику Бронфману. За основу журналист взял скупые строки его автобиографии и легенду, наверняка придуманную самим поэтом: «Я родился 15 апреля 1913 года в местечке Хашевато Подольской губернии в семье слесаря-котельщика. С семи лет осиротел: отец умер, мать убили

петлюровцы...». Далее ему явилось счастливое будущее в образе парня в шлеме со звездой, то есть в буденовке. Красноармеец завернул мальчика-сироту в серую солдатскую шинель и унес с собой, спасая мальчонку от неминуемой гибели. Этому парню в буденовке со звездой поэт посвятил стихотворение «Ву из эр, енэр солдат?» («Где он, этот солдат?»), кочевавшее из одного его сборника в другой, как на идише, так и в переводе на русский. Так что собкор «Правды» был не очень оригинален, используя в названии своей корреспонденции, как бы сейчас сказали, раскрытый брэнд.

Август плыл шмелиным гудом

По-над степью золотой...

Улыбался белозубо

Парень в шлеме со звездой.

(Перевод Риммы Казаковой)

Рано осиротев, Ицик воспитывался в гайсинском детдоме на Винничине. Здесь же он начал писать стихи, и первым его стихотворением было «Майн хавэр» («Мой приятель»), которое опубликовала харьковская газета «Юнгэ гвардие» («Молодая гвардия») 25 июля 1930 года. После окончания индустриального техникума в Гайсине в 1931 году с дипломом выездного сельского механика молодой поэт вместе с другими энтузиастами-переселенцами уехал на Дальний Восток, в Биробиджан, где началась его новая жизнь. Здесь он работал трактористом в Амурзетской МТС, помощником машиниста паровоза в Облученском вагонном депо, там же и слесарничал, печатал стихи в областной газете «Биробиджанер штерн». В годы Великой Отечественной войны служил в качестве помощника командира танковой роты по технической части. В составе войск 2-го Украинского фронта прошел Румынию, Чехословакию, Венгрию.

И. Бронфман с женой Фридой

В 1946-м, вернувшись в Биробиджан, стал работать в областной газете «Биробиджанер штерн», в которой до 1972 года заведовал промышленным отделом. Писал очерки, статьи, репортажи и, конечно, публиковал стихи – дальневосточные мотивы и фронтовую лирику. В редакции его трудно было застать – пропадал на

биробиджанских заводах и фабриках. Часто выезжал в командировки на предприятия области. После кончины в 70-м жены Фриды, с которой долго и счастливо прожил много лет, в 1973 году вышел на пенсию и поселился в Хабаровске, краевом центре, где, как ему казалось, в отличие от Биробиджана, литературная жизнь была ключом. Но главную роль здесь сыграл личный мотив: выносить одиночество после смерти жены было не в состоянии: две дочери, Зина и Лида, выросли, выучились, вышли замуж, да и сам он здесь встретил женщину, вроде бы подходившую ему по многим статьям.

...Очередной мой приезд в Биробиджан состоялся в апреле 71-го, совпав почти с днем рождения Бронфмана. По этому случаю, не помню уже кто из собравшихся в его редакционном кабинете, предложил отметить эту некруглую дату.

Шумной компанией (Ицик Бронфман, Роман Шойхет, Марат Ратнер, Леня Школьник и я) завалились в «железку» - ресторан железнодорожного вокзала, который славился своей кухней. Нас обслуживала Фаня – приветливая официантка, и, как мне показалось, ровесница Бронфмана, знавшая, кроме меня, каждого из пришедшей компании не только в лицо и по имени. В «железке» мы вкусно поели, прилично выпили и двинулись через привокзальный сквер к гостинице «Восток», в которой я нашел приют на несколько дней пребывания в Биробиджане. Неожиданно Ицик Бронфман, который был ниже всех нас ростом, но шел впереди, взмахнул рукой и скомандовал: «Стойте, хеврэ, гляньте на небо!». Мы дружно задрали головы вверх, надеясь увидеть искусственный спутник или, по крайней мере, след от реактивного самолета, но на ночном небосклоне нежно и грустно вырисовывались холодные апрельские звезды. Возбужденный Ицик Бронфман, дергая меня за длинный рукав шинели, произнес: «Так и хочется отрезать кусочек этого неба со звездами, намазать его, как масло, на хлеб и съесть...».

Ицик Бронфман и Леонид Школьник у здания редакции «Биробиджанер штерн»

Первая книжка стихов и баллад Ицика Бронфмана «Аф лихтике вэґн» («На светлых дорогах». 1948)), стала последней полиграфической работой биробиджанского издательства. Как и незадолго до нее вышедшая книжка «Уфганг» («Восход», 1947) Исроэла Эмиота, которая была у него шестой по счету, но прежние его книги выходили в Польше и Москве). Как и московский «Эмес», издательство ЕАО напрочь закрыли.

Сохранившуюся чудом первую книжку Бронфмана я увидел в самом начале 70-х годов в областной библиотеке имени Шолом-Алейхема да еще в домашней библиотеке Леонида Школьника, в которой, к слову, было немало раритетов. А тогда, в 48-м, накануне вакханалии в отношении «буржуазных националистов», 21 сентября московская газета «Эйникайт» (№114) опубликовала на одной полосе, рядом со статьей о счастливой жизни передового колхоза «форэпашник» («Труженик»), корреспонденцию под заголовком «Творческий вечер поэтов И. Эмиота и И. Бронфмана», проведенном по случаю выхода упомянутых книг. «Эйникайт» писала: «Вечер привлек внимание широкой публики - рабочих и интеллигентов. Выступивший на этом мероприятии еврейский писатель Гешл Рабинков отметил в своей речи: «Эти поэты – совершенно разные по стилю письма, но их объединяет одно: и у того, и у другого центральное место в творчестве занимает дальневосточная тема, тема Еврейской автономной области, которую они раскрывают каждый по-своему...».

Не обошел биробиджанского поэта вниманием известный писатель и критик Иехезкель Добрушин. В той же «Эйникайт» (№138 от 18 ноября 1948 года) он откликнулся на его первую книжку, изданную в ЕАО, с которой Бронфман кровно связан, статьей «В начале пути». Добрушин акцентирует внимание на том, что автор стихов, будучи участником недавно отгремевшей войны, вернулся в Биробиджан, использует в своих произведениях фронтовые мотивы и картины строительства новой жизни в области. А ведь поэт только начинает свой творческий путь...».

Чуть раньше, еще до выхода первой книжки, творчеству Бронфмана посвятили свои материалы биробиджанский журналист, критик (и поэт к тому же) Нохем Фридман («Эйникайт», 17 мая 1947) и даже старейшая, выходявшая с 1907 года, газета «Кенэдэр одлэр» («Канадский орел», 4 ноября 1946).

Спустя десять лет нью-йоркский журнал «Идише култур» (№1, 1958) мог себе позволить ремарку, что Ицик Бронфман, получивший воспитание в детдоме, затем выучившийся слесарному ремеслу и бывший в годы войны офицером-танкистом, в жестокие сталинские годы, в отличие от Исроэла Эмиота (от себя добавлю: и Бузи Миллера, и Любы Вассерман, и Гешла Рабинкова, и Нохема Фридмана и других писателей-биробиджанцев), избежал горькой участи тюрьмы и каторжных лагерей. Судьба к нему благоволила, а ведь запросто мог загреметь по сфабрикованному «биробиджанскому делу» в 1949 году. Просто, как говорится, не дошла очередь, не успели чекистские руки до него дотянуться. А ведь он именно как еврейский поэт был уже известен. Еще в 1947 году, когда в Оренбурге (тогдашнем Чкалове) умер в возрасте 47 лет Меер Альбертон, автор первых художественно-документальных произведений о первых биробиджанских переселенцах, то среди многих десятков еврейских писателей и артистов, подписавших некролог в «Эйникайт», был и поэт Ицик Бронфман.

В 1965 году в Москве была издана на идише антология еврейской поэзии «Горизонтн», в которую вошли всего лишь пять его стихотворений, а ведь он так надеялся увидеть в ней большой цикл! Бронфман рассказывал мне, что и этой пятерке стихов был несказанно рад, поскольку московский литературный журнал «Советиш Геймланд», выходявший с 1961 года, к тому времени лишь раз, и то в порядке знакомства с биробиджанскими писателями, удосужился напечатать всего лишь одно его стихотворение. «Это там, на фронте, Москва была за нами, - жаловался поэт, - а здесь, в Биробиджане, она от нас ой как далека...».

В период нашего знакомства в 1971-м Ицик Бронфман уже третий год ходил в членах писательского союза, чем страшно гордился, поскольку был теперь на равных с пишущей братией из соседнего Хабаровска, которая его переводила. В очередной мой приезд в Биробиджан я подсунил ему упомянутый выше солидный коллективный сборник «Горизонтн», в котором под одной обложкой впервые собрались пятьдесят поэтов, выживших после разгрома еврейской культуры в конце сороковых-начале пятидесятых. С

Бронфман». Эту пожелтевшую от времени газету, как и его книжки, храню с любовью вот сколько уже лет...

Лишь две из его поэтических книг...

В переводе на русский язык в разное время изданы в Хабаровске три его поэтические книжки: «Подснежник» (1965), «Доброе слово» (1975), «Живой родник» (1981). В 1985 году московское издательство «Художественная литература» выпустило составленную Ароном Вергелисом своеобразную антологию «Из советской еврейской поэзии». В этом солидный том вошли лучшие еврейские поэты, среди которых представлен и Ицик Бронфман.

Пытаясь сохранить в переводах своих стихов еврейскую изюминку, поэт напрямую, не очень деликатно обращается к «собрату по перу» - коллеге по поэтическому цеху:

*Ты не шей мне новых одеяний.
И тебе и мне они не в честь.
Ты не делай мне благодеяний.
Ты оставь меня таким, как есть.*
(«К переводчику», пер. Ан. Рыбочкина).

«Майн анкетэ» («Моя анкета») - вторая книжка стихов Бронфмана на идише (после той, первой, изданной в 48-м), была выпущена в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1982 году - там же, где издавались все немногочисленные книги на еврейском языке. Уже четыре года, как не было Бронфмана, и книжку, выпущенную тиражом чуть больше одной тысячи экземпляров, что для количества читателей на идише того времени в СССР было уже вполне достаточно, редактировал член редколлегии журнала «Советиш Геймланд», заведующий отделом поэзии Авром Гонтарь. Возможно, если бы автор был жив, он постарался, чтобы в нее вошли бы и некоторые другие стихи, которые я помню наизусть. Но что теперь об этом говорить...

Стихи Бронфмана не поразят воображение читателя легковесностью или размахистостью слога, изощренностью поэтических находок, яркими вспышками метафор. Они тихи и скромны, как раздумья пахаря, простого человека рабочей закваски,

каким был и сам автор. Стихи у него возникают как результат непосредственного восприятия реальности, за ними стоит огромный человеческий опыт. Добрая половина стихов в книжках Бронфмана - о войне, о фронтовых друзьях-товарищах, с которыми с первого до последнего дня войны сражался против фашистов:

*Кто в серой шинели становится в строй?
Наташа, Наташа, танкист молодой...
Моторы гудят, и колышется степь,
И кони стальные построились в цепь.
Кто в первой машине под крепкой броней?
Наташа, Наташа, танкист молодой...
(«Наташа», пер. Л. Школьника).*

О чем бы ни писал Бронфман – о суровых буднях войны, родном городе или тончайших движениях человеческой души – он всегда остается лириком. Особенно мне запомнилось щемящее стихотворение «Цвэй вайсэ ройзн» («Две белых розы»), написанное в 1964 году:

*Две белых розы в комнате моей.
Красив и нежен грустный их наряд.
Две розы у меня, и много дней
они, как два светильника, горят.
Их поливаю чистой водой.
Слезами – с тишиной наедине.
Мужчины, что не плачут над бедой,
Пусть будут справедливыми ко мне.
Я двух сестер лишился в ту войну.
Над страшным гетто долго стлался дым.
И эти подцветочки к окну
Поставил я, как памятники им.
Закат. Мне время розы поливать.
Нам надо жить – любить сестер своих,
Погибших никогда не забывать
И охранять, и охранять живых...
(Пер. Ан. Рыбочкина).*

Ицик Бронфман умер 1 сентября 1978 года в Хабаровске, а похоронен на тихом кладбище в Биробиджане – в городе, которому он отдал большую часть своей жизни. В городе, который строил, любил, воспевал...